

УДК 338.24.021.8(470+571):001.895:316

А.Л. Андреев

ПЕРСПЕКТИВА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ¹

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович — доктор философских наук, ведущий сотрудник Института социологии РАН. E-mail: sympathy_06@mail.ru

В своей статье А. Андреев обращается к проблеме модернизации российского общества и пытается взглянуть на нее глазами тех, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с производством нового знания и созданием современных наукоемких технологий — представителей научно-технической элиты страны. В основе анализа нынешнего состояния научно-технического потенциала России и возможностей для ее технологического рывка, социальной базы модернизации, влияния на модернизационный потенциал страны различных государственных структур, факторов, способных подтянуть российскую науку и в перспективе вернуть ей лидирующие позиции, лежат оценки 170 экспертов, занимающих ведущие позиции в различных областях знания, относящихся к созданию и применению высоких технологий.

Ключевые слова: модернизация, инновации, экспертный опрос, научно-технический потенциал, социальная база, наука, знания, технологии.

Если характеризовать различные эпохи в жизни нашей страны так, как это делали когда-то в Китае и Японии — по «девизам правления», то истекшее десятилетие (2001–2010), несомненно, можно назвать десятилетием модернизации. Объявленная в канун наступления нового 2000 г. отставка президента Б.Н. Ельцина подвела черту под одним из самых провальных периодов российской истории и одновременно создала условия для постепенного устранения накопившихся в результате некомпетентного и коррумпированного руководства препятствий к превращению России в современное процветающее государство. Стране понадобилась внятная сформулированная стратегия развития, и именно тогда в официальном дискурсе сначала эпизодически, а потом все чаще и чаще стала возникать тема модернизации, которая к настоящему времени не только окончательно выдвинулась на первый план, но и частично трансформировалась из риторической фигуры в конкретные планы, программы и проекты.

© Андреев А.Л., 2011

¹ Статья написана в рамках работы по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России». Проект № НК-582П-60.

Слово «модернизация» стало своего рода общим знаменателем реформ, которые проводятся (или намечаются) в самых разных сферах общественной жизнедеятельности общества, — от образования и науки до армии, авиации и флота.

Нельзя сказать, что проблема модернизации *по существу своему* (а не в смысле одного лишь словесного оформления) возникла впервые. Задачи этого типа Россия решала в течение, по крайней мере, четырех столетий. И иногда достаточно успешно. В то же время характерной особенностью российской истории стали периодические срывы модернизации, мощные откаты назад, приводящие к варварскому уничтожению ресурсов и аннулированию достижений. Поэтому если говорить о модернизации всерьез, надо в первую очередь задуматься над тем, чем была вызвана эта особенность и как предотвратить воспроизводство порочной тенденции.

Тем не менее, несмотря на весь накопившийся негативный исторический опыт, в том числе и недавний, российское общество постоянно сохраняет тот интегральный социально-психологический импульс, который можно назвать *волей к модернизации*. Сохраняет вопреки мнению, а иногда и деятельности некоторых наших политических и общественных деятелей, постоянно сетующих на то, что россияне никак не хотят становиться «современными». Исходя из данных, полученных в результате целого ряда социологических исследований, можно вполне уверенно утверждать, что модернизация является национальной целью, способной объединить (да и реально объединяющей) большинство россиян. Другой вопрос, *как именно* должна осуществляться модернизация. Постоянно повторять само это слово еще недостаточно для того, чтобы получить от общества мандат на проведение той или иной политики. Вот почему принципиально важно понять, что думает по этому поводу население России, как ее граждане оценивают перспективы развития страны и *что именно* они согласились бы признать в качестве модернизации.

Безусловно, в таких вопросах необходимо принять во внимание точку зрения всех россиян. Но учитывая, что ключевой идеей заявленной на сегодня концепции модернизации является переход от сырьевой модели развития страны к инновационной, особенно важно прислушаться к консолидированному мнению тех, чья профессиональная деятельность *непосредственно* связана с производством нового знания и созданием современных наукоемких технологий. В первую очередь речь идет о научно-технической элите страны. В этой связи в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» в октябре-ноябре 2010 г. был предпринят экспертный опрос, для участия в котором было отобрано 170 представителей российского научно-технического сообщества, занимающих ведущие позиции в различных областях знания, относящихся к созданию и применению так называемых высоких технологий. Это, в частности, прикладная математика и математическое моделирование, ядерная энергетика и гидроэнергетика, электроника, автоматика и телемеханика, системотехника и информационные технологии, авиастроение, материаловедение, органическая химия и квантовая электрохимия, радиофизика и ряд других. Кроме того, в числе участников опроса было несколько специалистов по социальной экспертизе и философии техники, а также практиков, имеющих опыт руководящей работы в высокотехнологичных отраслях промышленности и органах государственного управления. Географически это не только Москва и Петербург, но и некоторые другие крупные научно-университетские центры страны — Казань, Уфа, Екатеринбург. Большинство привлеченных к данному исследованию респондентов работают

в ведущих технических вузах страны (МГТУ, МЭИ, МАИ, Казанский университет, Екатеринбургский горный университет и др.).

Об уровне профессиональной квалификации экспертов говорят следующие данные: среди них 68% докторов и 27% кандидатов наук, почти 2/3 имеют звание профессора, примерно 70% имеют патенты на изобретения и открытия, 85% являются авторами монографий и учебников, приблизительно 40% удостоены различных премий и наград за вклад в науку и технику. Практически все опрошенные занимают (и/или занимали в сравнительно недавнем прошлом) достаточно высокие должностные позиции, начиная от заведующего кафедрой (лабораторией, отделом) до ректора крупного вуза, члена-корреспондента РАН, замминистра, министра. В любом случае подавляющее большинство из них имеют опыт самостоятельного руководства серьезными научно-техническими проектами.

Среди подобранных для данного исследования экспертов преобладают не слишком молодые. Только 25 человек из 170 не достигли 41 года, основную же часть (59%) составили люди в возрасте 50–70 лет, а еще 18% — старше 70. Однако эти пропорции объективно отражают сложившееся на сегодня положение дел в российской науке. В то же время несомненным преимуществом опрошенных является большой профессиональный опыт. У 80% из них стаж работы по специальности превышает 25 лет. С другой стороны, представители младшего поколения научно-технической интеллигенции в составе выборки все же не единичны. Социальный и профессиональный опыт примерно 14% экспертов сложился уже целиком в условиях постсоветской демократии и рыночной экономики. А если прибавить к ним тех, кто хотя и начал свою карьеру в советский период, но успел проработать в то время совсем недолго (и естественно, на младших должностях), то общее число экспертов, сформировавшихся как профессионалы уже в постсоветской России, подтянется к 20-процентной отметке.

Одной из очевидных слабостей советской системы была ее замкнутость, проявляющаяся, в частности, как тенденция воздвигать разные «стены» между собой и остальным миром. И это обстоятельство, безусловно, повлияло на менталитет и профессиональное становление советских научно-технических кадров. Тем не менее эту особенность не следует абсолютизировать. Вопреки расхожим представлениям управляющих ныне наукой и образованием российских чиновников российское научно-техническое сообщество нельзя упрекнуть в провинциализме. Во всяком случае, значительная часть наших экспертов (45%) чувствует себя вполне интегрированной в мировую науку. Эта цифра почти точно соответствует другой: количеству тех участников опроса, которые за последние 10–15 лет непосредственно участвовали в реализации совместных проектов с коллегами из дальнего зарубежья. Значительная часть российских ученых того уровня, который мы сочли базовым для нашей выборки, имеют опыт работы за рубежом: около 8% на основе долгосрочных контрактов и свыше 45% на кратковременной основе (чтение лекций, совместные проекты). Еще около 15% заявили, что у них такие возможности были, но они ими не воспользовались. Весьма активны наши эксперты в работе с зарубежной литературой. Совершенно не следит за ней ничтожное меньшинство — менее 2,5% опрошенных. В то же время почти 60% отметили в своих интервью, что регулярно обращаются к этим источникам, а свыше трети делают это хотя и не вполне регулярно, но периодически.

Мы полагаем, что приведенные данные дают основание с доверием отнестись к тому, как наши эксперты оценивают нынешний уровень российской науки в сравнении с зарубежной (в тех областях, в которых они являются специалистами). Общий итог, резюме этих оценок можно выразить следующим образом: в настоящее время Россия находится где-то в общем ряду 10–15 наиболее развитых стран, проявляя тенденцию к смещению в середину данного списка. Лишь один эксперт из каждых 12 счел возможным оценить наши позиции в мировой науке как передовые, ведущие. Распределение мнений по данному вопросу представлено ниже в таблице 1. Комментируя эти данные, можно лишь выразить сожаление по поводу того, где в настоящее время находится страна, которая еще 20 лет назад обладала вторым научно-техническим потенциалом в мире.

Таблица 1 Распределение ответов на вопрос «Попробуйте объективно оценить то место, какое Россия занимает ныне в той области науки и техники, в которой Вы являетесь специалистом», в % к числу опрошенных

Оценка уровня	%
Занимает ведущие позиции	5,9
Входит в число 10–15 наиболее развитых стран	40,6
Находится где-то в середине списка стран мира	33,5
Сильно отстала, находится на уровне не самых передовых развивающихся стран	17,6
Что-то другое	0,6
Затрудняюсь ответить	1,2
Нет ответа	0,6

Но обладаем ли мы реальными возможностями для того, чтобы исправить положение? Способствует ли этому проводимая ныне политика? Возможен ли в современной России переход к инновационному развитию и технологический рывок, способный вывести ее в число мировых лидеров? В целом, научно-техническая элита страны смотрит в будущее не без оптимизма и в конечном счете склоняется к положительному ответу на поставленные вопросы. Но ее оптимизм очень умеренный и весьма осторожный. Только один эксперт из каждых восьми высказал убеждение, что это возможно уже через 5–10 лет. Подавляющее же большинство отводят для этого более долгие сроки (см. табл. 2). При этом наибольший оптимизм в оценке и нынешнего уровня российских НИОКР, и перспектив модернизационного технологического рывка, проявляют не молодые, а старшее поколение. Так, считающие, что такой рывок может произойти уже в ближайшие 10–15 лет, среди инженеров и ученых пенсионных 60-ти встречаются в 2–3 раза чаще, чем среди их коллег в возрасте от 30 до 60 лет.

Интересно сопоставить эти данные с результатами проведенного Институтом социологии РАН в том же 2010 г. общероссийского опроса, задачей которого было зондирование мнений населения по поводу будущего страны.

Таблица 2 Распределение ответов на вопрос «Верите ли Вы вообще в возможность технологического рывка современной России», %

Варианты прогнозов	%
Да, это может произойти через 5–10 лет	11,8
Да, но это может произойти через 11–15 лет	35,9
Да, хотя это произойдет не раньше чем через 20 лет	34,7
Нет, в ближайшие 30–40 лет этого не произойдет	10,6
Затрудняюсь ответить	7,1

В ходе этого исследования респондентам задавался очень похожий вопрос — правда, он был сформулирован несколько шире и касался не технологического рывка как такового, а более общей проблемы достижения нового качества жизни и возможности выхода России на новый уровень развития. Ожидания населения по этому поводу оказались несколько более оптимистическими, чем оценки научно-технического сообщества. Так, вера в очень быстрый подъем России (5–10 лет) встречается среди «обычных» людей в 2 раза чаще, чем среди специалистов.

На что же может рассчитывать Россия в социальном плане? Какие социальные группы и слои могут стать движущей силой, обеспечивающей переход страны к новой модели развития, ориентированной не на экспорт сырья, а на капитализацию интеллектуальных ресурсов и наукоемкие технологии? На первое место наши эксперты поставили научно-техническую интеллигенцию. При этом особенно высокий рейтинг получили специалисты, работающие в академической науке: на вопрос о том, обладает ли данная группа потенциалом, необходимым для перехода страны на путь инновационного развития, положительно ответили 79%, а отрицательно — только 11% опрошенных. Довольно близко к этому оценивается потенциал отраслевых НИИ и КБ, а также профессорско-преподавательского состава вузов, но здесь индикатор критических оценок оказался заметно более высоким — их высказали, соответственно, каждый пятый и каждый четвертый из числа опрошенных. А что же техническая интеллигенция на производстве? Ее возможности позитивно характеризуют 2/3, возражают же против этого чуть больше четверти экспертов.

Такой результат, конечно же, не вызывает особого удивления. Другое дело — отношение экспертов к молодежи. Хорошо известно, что и преподаватели вузов, и учителя средней школы последнее время только и говорят о том, что она утрачивает мотивацию к интеллектуальному труду, а уровень старшеклассников и студентов с каждым годом становится все ниже и ниже. Можно было предположить, что эксперты дадут потенциалу современной российской молодежи безоговорочно низкую оценку. Однако полученные итоги оказались несколько иными. Да, баланс мнений по молодежи в целом действительно отрицательный: лишь менее четверти экспертов оценили ее социальный потенциал как высокий, тогда как противоположную позицию заняла без малого половина опрошенных. В то же время, как выяснилось, научно-техническая элита страны отнюдь не утратила веры в тех, кого она непосредственно готовит себе на смену. Хотя мало кто соглашается с тем, что нынешние молодые специалисты лучше подготовлены и более креативны, чем старшее поколение, в научно-педагогических кругах преобладает мнение, что у них есть свои сильные

стороны, и в целом они являются достойной сменой (см. табл. 3). Добавим к этому, что, отвечая на вопрос о том, какие социальные группы обладают наибольшим потенциалом, позволяющим осуществить переход страны к инновационному типу развития, 62% опрошенных включили в число таких перспективных групп и российское студенчество.

Таблица 3 Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете потенциал молодых специалистов по Вашей специальности?», %

Типы оценок	%
Хорошо подготовлены, более креативны, способны добиться большего	12,4
В чем-то сильнее, в чем-то нет, в целом достойная смена	48,2
Уровень старшего поколения был выше, налицо понижающая тенденция	37,1
Затрудняюсь ответить	1,8

В качестве одной из наиболее динамичных групп, способных послужить катализатором перехода к инновационному развитию, эксперты назвали молодых продвинутых предпринимателей. Почти 60% полученных в ходе исследования ответов указывает на них как на социальную группу, наиболее чувствительную к научно-техническому прогрессу и способную наладить работу в области НИОКР. Для сравнения отметим, что руководителей старой советской закалки называли в этой связи, по крайней мере, в 3,5 раза реже. Однако, когда речь идет не о людях, а о бизнесе как таковом и, соответственно, о топ-менеджерах как его институциональных представителях, характер ответов представителей научной и инженерной элиты меняется. Почти половина опрошенных считают, что инновационный потенциал российского бизнеса низок, в то время как обратного мнения придерживаются от 22 (когда имеются в виду крупные компании) до 30% (когда речь идет о мелком и среднем бизнесе). Что же касается формы собственности, то она, по мнению участвовавших в исследовании респондентов, практически не влияет на инновационную активность.

Разумеется, в этой связи приходится говорить и о тех социальных группах, которые, по мнению научно-технической элиты страны, не способствуют ее инновационному развитию или прямо тормозят переход к нему. К сожалению, довольно низкое мнение у ее представителей сложилось о современном российском учительстве. Лишь пятая часть ведущих специалистов в области технических наук считают, что оно обладает высоким инновационным потенциалом, а 60% назвали этот потенциал низким. Примерно на том же уровне в ходе опроса была оценена и деятельность работников СМИ. Это позволяет сделать вывод, что информационно-пропагандистская поддержка продекларированной правительством программы модернизации не кажется экспертам удовлетворительной. Но самый низкий рейтинг получили кадры управления. Только 4% экспертов признали инновационный потенциал российской бюрократии высоким, тогда как противоположное мнение было высказано почти 80% опрошенных (!). Прямо скажем: иначе как полным провалом кадровой политики в сфере управления, этот результат назвать нельзя. Заметим, кстати, что он полностью согласуется с результатами проводившегося несколько лет назад всероссийского опроса населения, которое не только признало российское чиновничество коррумпированным и некомпетентным, но и оценило его качества значительно ниже, чем у номенклатуры советского времени.

Между тем именно чиновник в конечном счете решает многие важные вопросы формирования институциональной базы НИОКР, определяет критерии сравнительной значимости научных достижений, диктует правила, по которым должны работать школы и вузы, решает деликатные вопросы регулирования статусных позиций внутри научного сообщества (система званий, наград, отличий и др.), заваливает реально работающих ученых и конструкторов потоками бессмысленных предписаний и пустой отчетности. Мы не говорим уже о столь деликатной проблеме, как «распилы» и «откаты», которые съедают значительную часть достаточно скудных бюджетных ассигнований на развитие науки. Полагаем, что вывод из этих настораживающих данных не может нас радовать. Не хотелось бы, чтобы с проектом «модернизация» получилось бы то же, что с зимней Олимпиадой в Ванкувере. Конечно, шумовое оформление со стороны СМИ, размещение спортсменов и художественная программа были на высоте, да и совсем без медалей мы не остались. Но... надо ли продолжать эту тему? Приведем в этой связи только сводку мнений наших экспертов, которые были высказаны ими в ответ на предложение прокомментировать инициированное в российских политических кругах обсуждение темы модернизации и перехода страны к инновационному развитию. Думается, приведенные в таблице 4 цифры говорят сами за себя и достаточно хорошо показывают меру скептицизма, с которой научно-техническая элита воспринимает способность нынешнего российского политико-административного истеблишмента эффективно руководить процессами развития научно-технической сферы.

Таблица 4 Распределение ответов на вопрос «В последнее время в печати и политических кругах России поднимается вопрос о переходе страны к инновационному типу развития. Как бы Вы это прокомментировали?», в % к числу опрошенных

Типы мнений	%
Наконец-то	8,2
Намерения благие, но уже не получится — научно-технический потенциал разрушен	12,4
Цели правильные, но управленцы и бизнес не имеют необходимой компетентности	59,4
Запад не заинтересован в появлении нового глобального конкурента	8,8
Это очередная рекламно-пропагандистская кампания	5,3
Другое	4,1
Затрудняюсь ответить	1,8

Общий скептицизм распространяется и на конкретные проекты, которые возникали в последнее время в высших эшелонах российского руководства. Это касается, в частности, и широко разрекламированного иннограда Сколково, задуманного по образцу Силиконовой долины в Калифорнии. Дело в том, что, в отличие от менеджеров, наивно полагающих, что успех любого проекта определяется финансированием и подбором персонала, лидеры научных и проектных коллективов из опыта знают еще массу тонкостей, способных решающим образом повлиять на успех дела. Помимо Силиконовой долины и в США, и в других странах были и другие подобные проекты, но они не имели такого успеха. Почему? И почему создавать новый центр инноваций эффективнее, чем поддержать уже имеющиеся, тем более, что там порой происходит чудовищное по своей неэффективности разбазаривание и даже прямое уничтожение ресурсов? Эти вопросы в процессе проработки сколковской инициативы не только не изучались, но, похоже, даже не ставились. Отсюда и результат, который был получен в ходе опроса. Совершенно определенно поддержали

данный проект лишь 15% экспертов, а 26% высказались твердо против, объясняя это тем, что нам сейчас не нужны многомиллиардные игрушки. Относительное же большинство (57 – 58%) склоняется к тому, что «попробовать можно», но испытывает на этот счет большие сомнения.

Почти так же негативно, как чиновников, научно-техническая элита страны воспринимает и тех, кто составляет ныне так называемый политический класс. В особенности это касается либеральных политиков-реформаторов. Несмотря на то что именно они особенно активно озвучивают различные темы, связанные с инновационным развитием, около 60% экспертов характеризуют их собственный инновационный потенциал как низкий и только 8% — как высокий. Несколько лучше выглядят в глазах участников опроса политики, выступающие за модернизацию на основе национальных ценностей, но и они, в конечном счете, не вызывают в научно-техническом сообществе особого доверия (их потенциал оценили как высокий 30%, а как низкий — 43% опрошенных).

Среди институциональных субъектов инновационного развития/модернизации на первое место по рейтингу вышла Российская академия наук. Ее потенциал оценили как высокий свыше 2/3 экспертов. Результат это вроде бы и неплохой, но для «главного штаба» российской науки, прямо скажем, хотелось бы больше. Обращает на себя внимание то, что оценка академических ученых заметно выше, чем самой академии как учреждения. Видимо, здесь сказалось вполне определенное отношение как к академической бюрократии, так и к проникающему в академические сферы духу коммерциализации. Отраслевые государственные академии также получили в общей сложности более или менее позитивную оценку, но уступили «большой» академии примерно 10%. Примерно на том же уровне в научно-техническом сообществе котируется и деятельность основных институциональных спонсоров российских ученых — РФФИ и РГНФ.

Переходя к политическим аспектам модернизации, отметим в первую очередь высокий уровень ожиданий, связанных в сознании научно-технической интеллигенции с фигурами президента и главы правительства страны. Отвечая на вопрос о том, какие государственные институты и структуры в наибольшей степени способствуют инновационному развитию и научно-техническому прогрессу, большинство опрошенных экспертов называли в первую очередь именно их. Но, к сожалению, стоит только спуститься хотя бы на один шаг вниз по линии властной вертикали, и уровень доверия к институтам государственной власти «проваливается». То, что при нынешней системе формирования законодательной власти депутатский корпус совершенно утратил уважение со стороны граждан, факт давно установленный, и наше исследование только подтвердило, что научно-техническая интеллигенция вполне разделяет эти настроения. Так, только один из семи опрошенных выразил мнение, что Государственная Дума и Совет Федерации способствуют переходу страны на инновационный путь развития. Большинство же считают, что эти учреждения либо тормозят данный переход, либо вообще ни на что не влияют (см. табл. 5).

Региональные руководители даже после введения новой системы их выдвижения и утверждения все же сохраняли в глазах населения известный авторитет. Однако в верхнем эшелоне научных и инженерных кадров, как оказалось, он в значительной мере потерян. Оценка людьми этого круга губернаторов и глав республик в составе РФ в сущности немногим отличается от оценки парламента, разве что в них реже видят тормоз модернизации и чаще — людей, которые не определяют решение действительно стратегических вопросов научно-технического прогресса страны.

Наименее функциональным звеном политической системы с точки зрения своих профессиональных интересов научно-техническая элита страны считает Общественную палату. Вреда от нее она особого не видит, но и пользы тоже; подавляющее же большинство опрошенных (около половины) высказали мнение, что Общественная палата ни на что не влияет. Таким образом, существующая ныне в России политическая система сконструирована так, что она не предоставляет институционального канала для выражения консолидированной точки зрения социальных слоев, ближе всего связанных с производством новых знаний и технологий. И, соответственно, ни в одном из существующих ныне представительных учреждений научно-техническая интеллигенция не видит органа, выражающего ее интересы, каким был, например, до революции Государственный совет, куда входило определенное число членов, избранных от университетов и научного сообщества.

В данной ситуации остается полагаться лишь на добрую волю первых лиц государства, но фактор этот, как известно, зависит от многих случайностей. В результате формируется поле отчуждения между государством и технической интеллигенцией. Процесс этот, безусловно, тормозится и сглаживается государственным воспитанием старшего поколения. Однако по мере того, как менталитет интеллигенции перестраивается под «рыночные» ценности, это отчуждение, скорее всего, будет углубляться, что приведет к плохо контролируемому снижению *реальной* (а не рассчитанной чиновниками по модным ныне формализованным шкалам) эффективности труда в науке и образовании.

Несомненно, в научных и научно-преподавательских кругах постепенно нарастает недовольство деятельностью профильного министерства. Баланс оценок этой деятельности, с точки зрения стимулирования перехода страны на инновационный путь развития, сугубо отрицательный: около 30% опрошенных считают, что оно способствует, а 40% — что тормозит. Однако на фоне восприятия большинства других государственных органов эти цифры выглядят все же довольно прилично. Самые же главные препятствия научно-техническому развитию, а следовательно, переходу страны на инновационный путь развития, с точки зрения научно-технической интеллигенции, воздвигают Министерство финансов (число отрицательных оценок по нему превышает количество положительных в 8 раз), а также, в несколько меньшей степени, Минсоцразвития и Минэкономразвития.

Отвечая на принципиально важный вопрос о том, чье мнение должно иметь решающее значение при принятии решений по вопросам науки, техники и научно-технической политики, 2/3 наших экспертов, практически не колеблясь, ответили: специалистов. Мнение правительства и политических кругов считает решающим ничтожное меньшинство (чуть более 1%), мнение же бизнес-кругов вообще не кажется экспертам достаточно значимым. Отчасти данный результат может показаться довольно странным, даже несообразным с реальностью. Но если учитывать, что думают представители научно-технической элиты об уровне компетентности современных чиновников и политиков, он становится вполне объяснимым.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Какие государственные институты и структуры в России в наибольшей степени способствуют инновационному развитию и научно-техническому прогрессу и какие его тормозят?», в % к числу опрошенных

Государственные органы и институты	Способствует развитию	Тормозит развитие	Не влияет	Затрудняюсь ответить
Президент РФ	60	7,6	13,5	18,2
Председатель правительства	52,4	12,4	10,0	24,7
Совет Федерации	14,1	19,4	38,2	27,1
Государственная дума	14,7	25,3	34,7	24,3
Общественная палата	12,9	5,9	48,8	31,2
Минобрнауки	29,4	40,0	12,9	16,5
Министерство финансов	7,6	55,9	9,4	26,5
Минэкономразвития	13,5	34,7	15,9	34,7
Минсозразвития	7,1	34,7	24,1	31,8
Армия, спецслужбы	26,5	19,4	28,8	22,9
Региональные власти	15,3	15,9	35,9	32,4
Российская академия наук	67,6	4,1	11,8	15,9
Отраслевые академии	55,9	4,1	18,8	20,0
Научные фонды (РФФИ, РФНФ)	57,1	5,9	18,8	17,6
Органы, осуществляющие контроль качества и политику в области стандартизации	16,5	16,5	31,8	34,7

В то же время обращает на себя внимание, что в отношении образования участники опроса высказывались не так категорично. Мнение специалистов-профессионалов и в этой сфере значительно преобладало над всеми остальными точками зрения, включая как политиков и бизнесменов (работодателей), так и родителей учащихся, деятелей науки и педагогических коллективов. Однако доля тех, для кого мнение специалистов является безоговорочным приоритетом, в этом случае снизилось до 39%; а почти 42% высказались за то, что при решении вопросов образования одинаково важны мнения всех заинтересованных сторон.

Какой тип политического устройства и какой политический режим представляются научно-технической элите оптимальными для решения задачи превращения России в одного из лидеров в области науки и технологий? Мнения наших экспертов по данному вопросу разделились, причем ни один из возможных вариантов ответа не набрал по-настоящему убедительного большинства. Несмотря на негативное отношение научно-технической элиты к либеральным политикам, сама система либеральной демократии собрала в свою поддержку больше всего голосов — где-то между 1/5 и 1/4 опрошенных. Другие относительно популярные варианты — система советского типа (около 20%) и какая-то новая форма просвещенного авторитаризма (16,5%). Нынешняя система, созданная в Российской Федерации после ухода Б. Ельцина, показалась привлекательной довольно немногим — 7%. «Вождистская» демократия по образцу А. Лукашенко или Н. Назарбаева наиболее популярна среди относительно молодых экспертов — в этой возрастной когорте данной модели симпатизируют 26% опрошенных, тогда время как в среднем по выборке доля ее приверженцев не превысила 6%. Восстановление монархии в наибольшей степени склонны поддерживать 50-летние, но среди научно-технической интеллигенции в целом этот вариант поддерживают только 4%. Особо отметим, что, несмотря на впечатляющие научно-технические достижения СССР 1930–1950-х гг., возврата к сталинской модели

модернизации в условиях массовых репрессий и предельного мобилизационного напряжения не хочет практически никто.

Судя по данным проводившихся в последние годы исследований, в массовом сознании существуют две модели российской идентичности: 1) Россия представляет собой часть Европы, и в будущем, так же, как это было в прошлом, она будет наиболее тесно связана именно с этим регионом; и 2) Россия не является вполне европейской страной, а представляет собой особую — евразийскую — цивилизацию, и в дальнейшем центр тяжести российской политики будет смещаться на Восток. Эти точки зрения в целом сопоставимы по своей популярности в обществе. Однако в верхнем эшелоне научно-технической элиты, судя по данным проведенного экспертного опроса, такого паритета нет. Почти 60% респондентов присоединились к той точке зрения, что наша страна представляет собой не Восток и не Запад, а особую — евразийскую — цивилизацию, и только треть предпочла поддержать ориентацию России на Запад («Россия — естественная часть европейской цивилизации, и только постепенная интеграция с Европой поможет ей нормально развиваться»). В то же время получившая в последнее время некоторое распространение в политических кругах мысль о том, что центр тяжести российских интересов ныне смещается на Восток, потому что только там она может найти ресурсы для развития, в научно-техническом сообществе совершенно не популярна: с ней согласились лишь примерно 4% опрошенных.

Понятно, что наибольший практический интерес имеют те результаты проведенного исследования, которые позволяют очертить круг факторов, способных подтянуть российскую науку и в перспективе вернуть ей лидирующие позиции, которые она занимала в сравнительно недавнем прошлом. Здесь, как и следовало ожидать, на первое место вышли вопросы финансирования и материального обеспечения. В то же время почти половина (точнее — 45%) опрошенных указали на необходимость поднять интеллектуальный уровень общества в целом и добиться изменения его ценностных ориентаций. Примерно 36–37% экспертов высказались за изменение направления реформ в образовании и возрождение существовавшей ранее системы поиска и выдвижения талантов. А вот такие позиции, как, например, предоставление научному и университетскому сообществам больше возможностей влиять на государственную политику и власть, демократизация отношений в российской науке, пропаганда достижений отечественной науки за рубежом, привлечение высококвалифицированных кадров из-за рубежа вызвали сочувственный отклик лишь у очень небольшой доли опрошенных (до 5%).

В списке помех, препятствующих инновационному развитию России, самым большим злом, по мнению экспертов, являются коррупция, а также отсутствие внятной стратегии и некомпетентность высших чиновников (соответственно 3/4 и 2/3 от общего числа ответивших на данный вопрос). Очень много жалоб зафиксировано по поводу моральной и интеллектуальной деградации общества, а также засилья тотальной регламентации и бюрократизма. На пресловутое противодействие Запада ссылалась лишь десятая часть опрошенных, на сложные природно-климатические условия страны — менее 5%, на «наследие тоталитарного прошлого» — менее 1%.

Особо следует коснуться довольно деликатного вопроса о привлечении в Россию научно-технических кадров из-за рубежа, в том числе и на руководящие роли. Тема эта в последнее время не раз возникала в ходе дискуссий на самом разном уровне, а определенный пробный шаг в данном направлении был сделан в рамках формирования фонда «Сколково», в руководящие органы которого был приглашен целый ряд иностранных

специалистов и топ-менеджеров. При этом экс-руководитель компании «Интел» К. Баррет и лауреат Нобелевской премии Д. Корнберг были назначены сопредседателями соответственно Совета и Консультативного научного совета фонда. Такая практика в принципе не вызывает в среде российской научно-технической элиты видимой оппозиции. Но тех повышенных ожиданий, которые, как нам кажется, испытывают по этому поводу некоторые чиновники, российское научное сообщество явно не разделяет. Только в 3,5% полученных ответов была безоговорочно выражена та мысль, что если мы действительно хотим выйти на мировой уровень в науке и технике, то без иностранных специалистов высокого класса нам никак не обойтись. К этому, как считают эксперты, надо подходить очень избирательно. Относительное большинство (37%) полагают, что это может быть полезно, но вопрос надо решать конкретно в каждом отдельном случае. Соответственно, и вопрос об их зарплате (гонораре) также должен рассматриваться индивидуально (см. табл. 6).

Таблица 6 Распределение ответов на вопрос «Справедливо ли платить высококлассным специалистам из-за рубежа зарплату, значительно превышающую зарплату наших российских ученых и инженеров?», в % к числу опрошенных

Варианты ответов	%
Да	4,1
Нет	34,1
Вопрос надо рассматривать в каждом конкретном случае	60,6
Затрудняюсь ответить	1,2

В то же время 17% убеждены в том, что для иностранцев Россия всегда останется только «перевалочным пунктом», 7,6% полагают, что иностранцы не смогут эффективно работать в наших условиях, а 27% выразили мнение, что без них вполне можно обойтись — у нас достаточно и собственных кадров. В общем-то это неудивительно и связано отнюдь не только со вполне объяснимым чувством ревности. В конце концов никакие иностранные знаменитости, вроде Карлоса Гона или Бо Андерсона, так и не смогли решить проблем российского автопрома, так же, как Гусу Хиддинку удалось лишь локальные улучшения в российском футболе, но ожидавшегося от него чуда так и не последовало.

У данной темы есть, как известно, еще один весьма важный разворот — проблема возвращения в Россию квалифицированных специалистов, выехавших в свое время за рубеж и сделавших там удачную научную карьеру. Подобные предложения, как известно, были сделаны недавнему Нобелевскому лауреату А. Гейму, но они не были приняты, причем отказ сопровождался не очень лестными комментариями по поводу тех, кто вначале развалил российскую науку, а теперь ничтоже сумняшеся думает без особого труда поправить дело финансовыми вливаниями. В этом непростом вопросе большая часть научно-технической элиты страны (60%) также занимает ту позицию, что общих рецептов на все случаи жизни быть не может и все надо рассматривать сугубо индивидуально. Оставшиеся 40% заняли однозначную позицию по принципу «да-нет», из них 2/3 высказались за то, чтобы добиваться репатриации уехавших специалистов, и треть не видит в этом особой необходимости. Объясняется эта позиция тем, что, по мнению, разделяемому примерно каждым шестым из опрошенных экспертов, покинувшие Россию 15–20 лет назад специалисты уже во многом выработали свой потенциал и теперь разумнее потратить деньги не на их привлечение, а на то, чтобы здесь растить талантливую молодежь.

Касаясь вопроса о том, насколько реалистична ставка на возвращение российских кадров, наши эксперты чаще всего выражали осторожный оптимизм. Только один человек из каждой дюжины опрошенных считает, что ситуация стала необратимой, потому что уехавшие уже прочно пустили корни на Западе. Но, как нам кажется, в целом люди науки видят проблему репатриации специалистов в несколько ином свете, чем она воспринимается из окон министерских кабинетов. В частности, они не верят в то, что нужные нам кадры можно просто «перекупить» или, скажем, «соблазнить» хорошими условиями в широком смысле слова. Это, разумеется, важно, но недостаточно. Более половины экспертов считают, что здесь все зависит от общей ситуации в российской науке и проводимой в этой сфере политики.

Мы не стали далее конкретизировать данный вопрос, чтобы не усложнять и без того перегруженные опросные документы. Однако от себя добавим: решающее значение в этом отношении, на наш взгляд, имеет отношение к науке в обществе, с чем напрямую связан социальный статус ученого. Хочется, к примеру, видеть себе достойную смену, учеников, способных продолжить то, что ты начал. А если качество образования в стране падает, это вызывает у человека, действительно преданного науке, такие фрустрации, которые не может компенсировать даже очень приличный уровень жизни. И вряд ли высококлассный профессионал, имеющий достойные предложения из разных стран мира, захочет, чтобы им управлял некий «динамичный менеджер», какие в последнее время появились у нас в изобилии и на которых, похоже, сейчас пытаются делать ставку.

Естественно, мы спрашивали наших респондентов и о том, как они оценивают условия, в которых в настоящее время работают, по широкому комплексу факторов. Разумеется, многое, из того, что мы получили, было, в общем и целом, известно и без опроса. Однако хотелось бы обратить внимание на ряд деталей, которые нельзя установить одним лишь включенным наблюдением и которые не следуют из общего «понимания ситуации» на качественном уровне. Вряд ли нас должны удивлять низкие оценки материальной обеспеченности российской науки. Так, уровень своей зарплаты охарактеризовали как очень хороший и хороший лишь 19% опрошенных, а как плохой и очень плохой — 44%, возможность дополнительно зарабатывать по контрактам и договорам соответственно 24 и 33,5%. Еще хуже обстоят дела с оснащением и оборудованием («очень хорошо», «хорошо» — 15%; «плохо», «очень плохо» — 53%). На этом же уровне характеризуется и социальная защищенность научных, научно-педагогических и научно-технических кадров.

Что мы, однако, заранее не предполагали, так это то, что наши эксперты, по крайней мере, в такой же степени не удовлетворены эффективностью использования высококвалифицированных кадров. При такой организации дела, которая существует сегодня, бюрократическая рутина, часто совершенно нелепая и не имеющая никакого отношения к реальному контролю продуктивности и качества, стала отнимать у собственно творческой работы слишком много времени. КПД научной деятельности упал, и это вызывает в научных коллективах острое чувство неудовлетворенности. Соответственно, вопрос об общей постановке дела в российских НИИ, КБ и вузах также видится по результатам опроса далеко не в розовом свете. Тем не менее, здесь преобладают более сдержанные и умеренно позитивные оценки: «хорошо» и «средне» составили в совокупности около 78%, тогда как неудовлетворительные характеристики «потянули» лишь на 15%.

В ситуации недофинансирования, общей социальной аномии и бессмысленной бюрократизации положение спасают в основном два фактора: творческая свобода, возможность заниматься интересными, научно значимыми темами и сложившиеся в основном еще в советское время хорошие, человеческие отношения в научных коллективах. По последнему параметру были получены вообще уникально высокие оценки: на неблагоприятную обстановку в коллективе пожаловался всего 1 человек из 170, подавляющее же большинство (примерно 85%) охарактеризовали отношения между коллегами как хорошие и очень хорошие. Надо думать, здесь имелась в виду не просто доброжелательность и корректность, но и творческое взаимодействие. В этом пункте (инновационный накал, креативность сотрудников, творческая обстановка) градус критичности экспертов заметно повышается. На наш взгляд, это связано с тем, что в российских научных коллективах первого порядка (кафедры, отделы, лаборатории) несколько хромает организация командной работы, вследствие чего эти коллективы часто как бы «расползаются». Но тем не менее перевес положительных оценок над «плохо» и «очень плохо» в данном вопросе достаточно ощутим — треть опрошенных против 23% (при 44–45% проставивших своим коллегам условный средний балл).

Слабым местом российских научных коллективов остается нарушение нормального механизма смены поколений, а следовательно, и передачи научных традиций вместе с неформальными элементами творческого мышления. Так считают без малого половина опрошенных экспертов. Тех, кто полагает, что с этим у нас все в порядке, только 15%.

Вряд ли следует подробно описывать реакцию экспертов на все стороны научно-технической деятельности. Отметим только, что респонденты в достаточной мере удовлетворены своей включенностью в информационное поле науки (возможность получать необходимую литературу, поддерживать необходимые профессиональные контакты и публиковаться), а также условиями карьерного роста.

Трудовые и, особенно, научные и педагогические, коллективы в России редко похожи на «команды» американского типа. Они более органичны, отношения в них носят более выраженный эмоционально-личностный характер, вследствие чего они часто напоминают своего рода семьи. В трудных условиях это, несомненно, способствует их устойчивости. Во всяком случае, такое испытание на излом, которому российская наука и образование были подвергнуты в 1990-е гг., коллективы, построенные на более формальных основаниях, вряд ли бы выдержали. В то же время в силу тех же причин они более инерционны: люди «притираются» друг к другу и поэтому неохотно меняют место работы, особенно если это связано с переездом на новое место и вхождением в совершенно новые контексты личностных связей. Так, например, только один из десяти респондентов выразил готовность переехать в другой город России, если там будет создан соответствующий инновационный климат и ему предложат лучшие условия для профессиональной деятельности. Число же тех, кто совершенно точно ответил бы на такое предложение отказом, оказалось в 3 раза большим (остальные, соответственно, заняли неопределенную позицию). Молодые специалисты в возрасте до 41 года продемонстрировали в этом отношении примерно в 2 раза большую активность, чем представители старших возрастов. Но их доля в общем составе научно-технической элиты страны в настоящее время довольно низка. Таким образом, интеллектуальный потенциал России недостаточно мобилен, и это будет создавать определенные трудности для его перегруппировки и более равномерного распределения инновационных центров по нашей обширной территории.